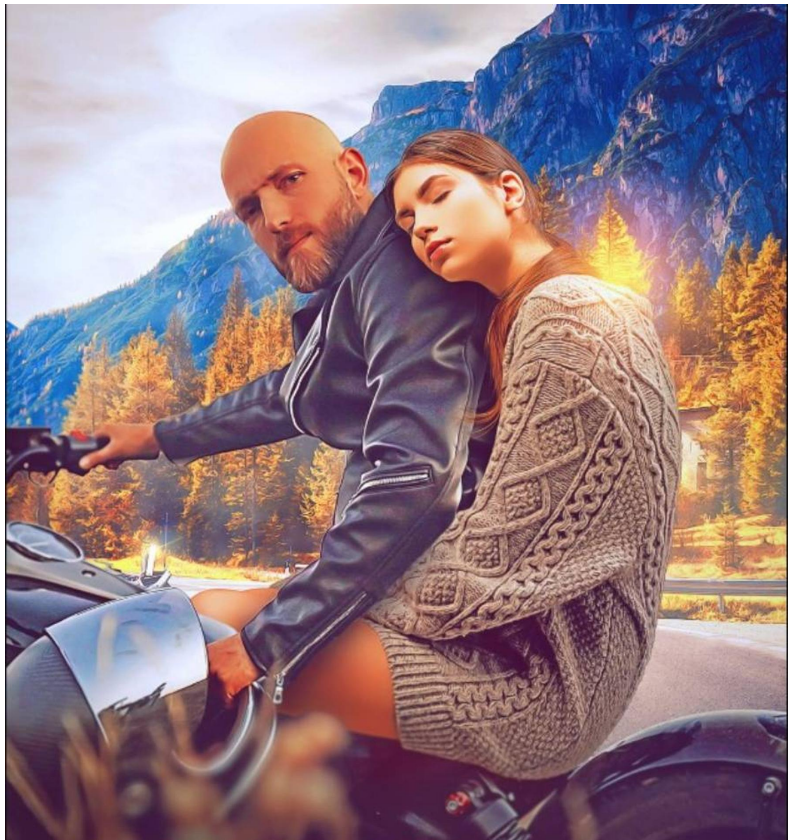

Юлия Резник

НАСТАВНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Наставник

<https://litres.ru/73775926>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я Тая Шестакова, обычная девчонка с не самой простой судьбой. И бывшая детдомовка. Впрочем, многие считают, что мне повезло. Ведь, в отличие от других, я попала в программу наставничества для выпускников интернатов. И наставник мне попался что надо. Точнее наставники. Они многое мне дали: крышу над головой, работу и перспективы. Все, о чем такие, как я, не могут даже мечтать. Но Ведь всегда есть какие-то но, правда? Вот об этом я вам и расскажу

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Резник

Наставник

Глава 1

– Ну, что там? Ты что-нибудь видишь? – нетерпеливо интересуется Ольга у Ники, которая с ногами взобралась на подоконник, чтобы получше рассмотреть происходящее во дворе. Окна нашей комнаты расположены не слишком удачно для наблюдения. Нике приходится вжиматься носом в стекло, чтобы разглядеть калитку. Наверное, снаружи ее сплюснутый нос выглядит даже смешно. Но сейчас вряд ли что-то сможет заставить меня улыбнуться. Мышцы сводит от страха, а нервы натянуты так, что внутри все противно вибрирует.

– Не-а. Ни черта не видно, – сокрушается Ника.

– Может, еще не время? – вступает в разговор еще одна моя соседка по комнате. – Тай! – окликает меня. – Нет, вы только на нее посмотрите! Мы, значит, места себе не находим, а эта блаженная стоит, как ни в чем не бывало.

Я не блаженная. И не суечусь я лишь потому, что экономлю силы, которых, кажется, совсем не осталось.

– Шурочка говорила, что за мной заедут в одиннадцать,

– пожимаю плечами, чтобы как-то поддержать разговор. В конце концов, девчонок можно понять. Они тоже волнуются. Им хочется верить, что впереди меня ждет что-то хорошее. Я же смотрю на свою жизнь более прозаично. Хорошо зная, как обычно заканчивают бывшие детдомовцы, я не питаю каких-то иллюзий. И ни на кого не рассчитываю. Даже на наставника, которого мне выделили в рамках действующей в столице программы наставничества для выпускников детских домов. Ну, какое ему до меня дело, ей богу?

– Арин, а ты что молчишь?

– А что тут сказать? Полная хрень – эта ваша программа. Какая разница, кто Тайке достанется, если толку от этого наставника, как с козла молока? – Арина сдувает упавшую на лицо прядь и вытягивает перед собой руку, чтобы полюбоваться только что сделанным маникюром. Довольная, что кто-то озвучил эту светлую мысль за меня, я, может быть, впервые за этот день растягиваю губы в улыбке.

– Это еще почему? – подбоченивается Ольга. – А Макс? А Кирюха? Те здорово пристроились. Работают, с нашими почти не общаются. Макс даже тачку прикупил, чтоб ты знала. Сразу видно – бабки у него водятся.

– Ну, так еще бы! У них наставник – Влад Галич. Ресторатор такой. Слышала? Правда, девок тот не берет, так что подотри слюни.

– Эй! Где ты слюни видела? – Ольга хватает подушку и беззлобно замахивается на Арину.

– Дура, что ли? Лак еще не высох! – ругается та.

– А кто такой ресторатор? Повар, что ли?

– Сама ты повар! Повар – это наемный рабочий. А ресторатор – тот, кому все принадлежит. Разницу сечешь?

– Может, и до девок дойдет очередь, мало ли.

– Ага! Мечтай.

– Почему бы и нет? Если и мечтать о мужике, то о таком! Богатом, относительно нестаром и красивом...

Понятия не имею, о ком они говорят, поэтому нервно дергаю молнию на давно собранной сумке и по десятому разу перепроверяю – ничего ли я не забыла.

– Думаешь, у тебя есть шансы? – закатывает глаза Арина.

– А ты думаешь – нет? – Ольга, некоронованная королева нашего детского дома, зло сощуривается. Она не любит, когда кто-то посягает на святое – ее мечты. Мечты у нее, в отличие от меня, грандиозные.

– Да вокруг этого Галича такие бабы выются – модели там всякие и актрисы, что у простых девчонок, вроде нас, нет никаких шансов. Да и вообще – он давно женат, – вынимает козырь из рукава Арина.

– Жена – не стенка, подвинется.

– Ой-ой, девочки, кажется, кто-то подъехал! – кричит с подоконника Ника. Я сжимаю в кулаки дрожащие руки. Во мне ведут борьбу настолько противоречивые эмоции, что голова идет кругом. С одной стороны, я ни о чем так не мечтала, как о том, чтобы вырваться из этого места. С другой –

я никогда так не боялась остаться одна.

– Кто? Ну, кто подъехал? Что за тачка хоть?

– Не видно! Он, наверное, ближе к магазину припарковался. У нас-то опять не чищено.

– Ничего, в калитку-то он войдет. Там мы его и засечем.

Закидываю на плечо сумку и замираю, стараясь дышать размеренно. Но тут мои старания идут прахом, потому что Ника начинает громко визжать:

– Это он! Галич. Нет, вы только представьте! Помяни черта – вот он. Ну, дела!

– Да ладно... – недоверчиво тянет Ольга, отталкивая Нику с ее наблюдательного пункта. – Ну, Тайка, зараза! Неужели он за тобой?

Пожимаю плечами – откуда мне знать? Никто не посчитал нужным поделиться со мной этой информацией. От мысли, что совсем скоро мне предстоит встреча с абсолютно незнакомым мужчиной, сконцентрировавшаяся в животе дрожь стекает вниз по рукам и перекидывается на ладони. Меня трясет, как эпилептика. Вцепляюсь в ремень от потасканной спортивной сумки в надежде скрыть волнение.

– Пойдемте вниз! Вдруг удастся кинуть ухо. Тайка, да отомри же! Топай, что ты застыла, как соляной столб?

Девчонки стайкой проносятся к двери, я же, с трудом передвигая ноги, плетусь за ними. На выходе из комнаты, где я провела последние пять лет, оборачиваюсь. Справедливости ради стоит заметить, что годы здесь не были таким уж

адам. Детский дом, в который я попала, слыл образцово-показательным заведением не понапрасну. Мне не приходилось сталкиваться с какими-то ужасами, о которых обычно болтали, стоило только затронуть тему сиротства. Просто это место у меня всегда ассоциировалось с потерей. Потерей всего, что для меня было важно – родителей, дома и всей моей прежней жизни.

– Он поднимается по лестнице! – громким шепотом замечает Арина, свесившись по пояс с перил. Другие девочки глупо хихикают и толкают друг друга в бока. Происходящее со мной им кажется настоящим приключением. Каким-никаким событием в их мире, где ничего не меняется. Даже меню.

Затаившись, мы дожидаемся, когда темноволосая макушка моего будущего наставника скроется из виду, и на носочках несемся вниз.

– Он не запер дверь.

– И что?

– Что-что! Иди... Или тебе неинтересно?! – ускорения мне придает ощутимый тычок в спину. Я пролетаю мимо двери. Осторожно заглядываю в кабинет заведующей. Шурочка сидит за столом. И как раз-то ее я вижу очень хорошо. Чего не скажешь о ее посетителе.

– Вот... Таечка Шестакова, – говорит Шурочка, выкладывая на стол мое личное дело. – Прекрасная девочка. Умница. К нам попала пять лет назад, после гибели родителей.

– Девочка? Вы, Александра Владимировна, наверное, забыли, что мы беремся исключительно за парней.

Незнакомый голос мужчины вызывает дрожь в теле. Почему-то пропускаю его довольно странное «мы» мимо ушей и, закусив губу, высовываюсь чуть сильнее. Так становится видна левая рука Влада. За окном – февраль, а он в пиджонском бежевом пиджаке. Из-под манжеты выглядывают стильные, наверняка ужасно дорогие часы. И хоть я все так же не вижу ничего кроме этого, перед моими глазами выстраивается гораздо более детальная картина. Картина красивой жизни, которой, судя по всему, живет этот человек.

– Да, но из парней у нас пока никто не выпускается. Ты, главное, не дрейфь. За Таечку с радостью бы взялись другие наставники, но нам очень их не хватает.

– Нет. Нет, Александра Владимировна. Даже не просите. Для парней у нас и работа найдется, и правильный подход. А тут... Вы уж простите. К тому же вы знаете Савву.

Галич меняет положение руки. Опирается на стол, широко расставив пальцы, встает. Еще немного, и, если я ничего не сделаю, мы с ним столкнемся нос к носу. Мне бы смыться отсюда как можно скорей. Но почему-то не получается даже просто пошевелиться. Я стою, будто загипнотизированная, и не свожу с него жадных глаз. Остается только надеяться, что он не видит меня, затаившуюся в полутемном коридоре.

– Да с ней не будет никаких проблем, Владик. Она, считай, девочка домашняя. С головой. Ну, что тебе стоит подкинуть

ее до дома, да пристроить в своем ресторане официанткой?

Я не хочу работать официанткой. Я собираюсь поступать в медучилище. Но когда он впервые поворачивается ко мне лицом, это как будто перестает иметь значение. Я никогда не видела настолько красивых, холеных мужчин. Ника определенно права. У Ольги нет ни единого шанса с таким образчиком. Он абсолютный инопланетянин в нашем мире. Но, даже понимая это, я не свожу с него восхищенных глаз, попав на тот же крючок, что и все здешние девчонки. Оказывается, я такая же дура.

– Александра Владимировна, вы хотя бы представляете, какого уровня мои рестораны? Мне не нужны официанты без опыта работы.

– Тогда возьми ее посудомойкой. Уборщицей, на худой конец. Ну, не поверю я, что у вас совсем не найдется для нее места.

Я не хочу работать уборщицей! Но я бы хотела еще хоть раз, хоть одним глазком взглянуть на него.

– Вы меня под монастырь подводите.

– Господь с тобой, Влад. Это же тебя ни к чему не обязывает.

Вот-вот, я как раз об этом. Наставник... без обязательств. Да кому это надо? Тот сбежит при первой же серьезной проблеме. И поминай, как звали. Осознание этого отрезвляет. Я резко отступаю назад и с остервенением тру лицо. Черт с ним! Я сама со всем справлюсь. И дом, в котором мне выде-

лили квартиру от государства, найду, и все остальное.

– Тая! Таисия... Ты здесь? Зайди, если так.

Недоверчиво кошусь на дверь, из-за которой вполне отчетливо доносится Шурочкин старческий голос.

– Нет, она опять застыла! Ты что, не слышишь? Тебя зовут! – толкает меня в бок Арина. Я делаю шаг, не чувствуя под собой ног. Бурлящие во мне эмоции поменяли свой спектр от ярко негативного до почти эйфорического. Черт его знает, почему меня так колбасит.

– Здравствуйте, – я тоже не закрываю дверь до конца, буд-то оставляя себе пути к отступлению.

– Ну, здравствуй. У кого-то сегодня начинается новая жизнь? – раздвигает губы в голливудской улыбке Влад. И я, как последняя дурочка, теряю дар речи. Благо, нарушая повисшее в кабинете молчание, ситуацию спасает Шурочка.

– Тая, познакомься. Это Владислав Сергеевич Галич. Он поможет тебе с адаптацией и работой. Надеюсь, ты помнишь, как важно сразу к ней приступить, не надеясь на щедрую выплату от государства?

Я сглатываю подперший горло ком и киваю:

– Конечно.

– Деньги, которые даются легко, так же легко заканчиваются. Потом никто не станет пополнять твои карманы просто так.

Я слышала это миллион раз и в напоминании не нуждаюсь. Поэтому вежливо киваю, собираюсь с силами и, все еще

на него не глядя, обращаюсь к своему наставнику: – Может быть, мы пойдем?

– Не терпится? – ухмыляется тот. На что я пожимаю плечами, а Шурочка хмурится.

– Не так быстро. Нам еще кое-что нужно обсудить. Тая, подожди за дверью.

По привычке делаю то, что мне велят. Но и из-за двери слышу продолжение разговора.

– Раз мы договорились, хочу тебя предостеречь.

– Вот как? И от чего же?

– Ты, Влад, сам знаешь, парень – мечта. Так вот – не вздумай морочить девочке голову.

– Поверьте, ей в моем лице ничего не угрожает. Как бы это помягче сказать? Она не в моем вкусе.

Последнюю фразу слышат все присутствующие в коридоре. Ольга прыскает в кулак, Ника ободряюще сжимает мою руку.

– Не слушай его. Он просто напыщенный козел.

– Почему сразу козел? Он просто честный. Прости, Тая, но эта твоя прическа – настоящий кошмар. А ведь я предупреждала, что у Юльки руки-крюки. Не надо было ее к себе подпускать. Тем более с ножницами.

Я бросаю мимолетный взгляд на собственное отражение в висящем на стене зеркале. Арина права. У меня самая ужасная стрижка на планете Земля. Но обиднее всего, что под горшок я постриглась по доброй воле. Позволив Юльке на

себе отточить приобретенные в профучилище навыки.

– Да мне плевать, что он обо мне думает, – храбрюсь, чтобы не показать девчонкам собственной уязвимости. Слабых нигде не любят. Тем более в таких местах, как это. Я по очереди обнимаю девчонок, когда дверь вновь открывается, являя высокомерную задницу, с обществом которой мне, похоже, придется мириться.

– Готова?

– Угу.

– Это все твои вещи?

Нет, блин, за углом еще пять чемоданов. От Луи Вуитон. Ага. Или какие там сейчас чемоданы модные в мире богатых и знаменитых?

Конечно, я не произношу всего этого вслух, но, видно, что-то такое мелькает у меня в глазах, что заставляет Влада весело хмыкнуть. И эта неожиданно хулиганская улыбка в один миг напрочь рушит стены, которые мне удалось воздвигнуть. Отвожу взгляд и еще раз прощаюсь с девчонками коротким взмахом руки. Они наперебой кричат, что будут мне звонить и писать. Но, если честно, я до конца не уверена, что мне это нужно. Я бы многое отдала, чтобы забыть этот период своей жизни. И никогда о нем не вспоминать.

Февраль встречает нас порывом холодного, пронизывающего до костей ветра. Я ежусь – курточка-то у меня на рыбьем меху. У калитки поскальзываюсь. Влад удерживает меня, подхватив под локоть. Я бормочу под нос невнятные бла-

годарности и застываю с открытым ртом, наконец, увидев его машину. Наверное, рестораторы очень хорошо зарабатывают – проносится в голове, когда нам навстречу из машины выбирается... водитель. Моя новая жизнь начинается с настоящей сказки. Неловко забираюсь в открытую специально для меня дверь. Сейчас так легко представить, что так будет всегда. Но я упрямо возвращаю себя в действительность.

Глава 2

Отодвигаюсь от него подальше и, будто не видела ничего интереснее, утыкаюсь в окно. Столица за последние годы и впрямь преобразилась, но на окраине, где располагался наш интернат, все по-прежнему – серые невзрачные панельки, заставленные машинами дворы, однотипные детские площадки...

– Куда тебя везти? Ты адрес помнишь?

Вздрагиваю. Растерянно оборачиваюсь к Галичу, который смотрит на меня, вздернув бровь, и даже не пытается скрыть своего нетерпения. Интересно, зачем он вообще в это все ввязался? Дураку ясно, что ему совершенно не до меня. И не до моей социализации уж тем более.

– Мне на Некрасовку.

Влад хмурится. Хотя мой ответ его вовсе не удивляет. Возможно, у него уже были воспитанники оттуда. Жаль, я не помню, где получили свои квартиры Макс и Кирилл. Не то, что я бы хотела с ними встречаться. Невесело улыбаюсь и опять отворачиваюсь к окну. Разве это не смешно? То, что первым делом всем нам для успешной адаптации в самостоятельной жизни рекомендуют держаться от других детдомовцев подальше, и при этом селят в одно на всех гетто?

У Галича звонит телефон.

– Да, Юль, что там? Опять? Я не уверен, что заинтересован. Где, говоришь, находится?... Нет-нет, так не скажешь. Чтобы судить о потенциальной стоимости аренды, нужно смотреть на месте.

Я невольно прислушиваюсь к его диалогу, хотя мало что из него понимаю. Просто эта беседа как еще одна иллюстрация к его жизни. Как светлый пиджак зимой, часы и эта пахнущая кожей и чем-то дорогим тачка. Ну, о чем такому мужику говорить, чем заниматься, как не сидеть на телефоне, обсуждая с кем-то девелопментские проекты, стратегии, профессиональные компетенции и прочие далекие от меня, как Альфа Центавра, вещи?

– Нет, Юль, ты что? Не забывай, что у нас низкомаржинальный бизнес. Что, ты говоришь, за компания? Да, я, кажется, слышал о них.

Унылые панельки за окном сменяются сначала промзой, затем – заброшенными пустырями, а после – новенькими, устремляющимися в серое небо человеичниками. Нам сюда. Еще немного, и мы разъедемся, кто куда. Он вернется к своей красивой жизни, а я... я, по крайней мере, пойму, какой теперь будет моя.

Проехав еще немного, машина сворачивает. Здесь, внутри окруженного со всех сторон высотками двора, мне как будто не хватает воздуха. Я выхожу из машины, не дожидаясь, пока водитель откроет дверь, и задираю лицо вверх. Между нависающих давящих на голову многоэтажек виднеется кло-

чок серого неба.

– Кажется, тебе сюда.

Ага. А еще, кажется, на этом все его наставничество заканчивается. Кривлю губы в улыбке. Черт с ним. Я на многое и не рассчитывала. По крайней мере, он меня подвез.

– Спасибо.

– Мы не обсудили главного. Пойдем, я тебя провожу.

Втягиваю голову в плечи и под полными любопытства взглядами парней, сидящих прямо на окружающем клумбу заборчике, шагаю к дому. Что ж, здесь есть клумбы, разве это не плюс?

Поднимаемся по ступенькам, проходим в тесный лифт. Легкие заполняет пряный аромат его парфюма. Закрываю глаза, наслаждаясь его незнакомыми манящими нотками.

– Твои планы насчет работы реальны? Или ты озвучила их исключительно для Шурочки?

Его вопрос меня злит. Хотя я и могу понять, чем он вызван. Детдомовцы вроде меня на выходе получают довольно крупную сумму и обычно не спешат выходить на работу, за которую им будут платить три копейки.

– Вполне.

– У тебя есть какая-нибудь профессия?

– Нет. Но я многое умею. А летом собираюсь поступать.

– Похвально. И на кого ты планируешь учиться?

Двери лифта разъезжаются. Одновременно с этим у Влада звонит телефон. Он морщится, смотрит на экран, но, удиви-

тельное дело, отвечать не торопится. Как будто я для него важнее...

– На медсестру.

Мой ответ тонет в громком гоготе.

– Та ну, Васян, ты че? Давай к нам.

У окна в подъезде собралась большая компания. Здесь и парни, и девчонки. У одной из них на руках ребенок. Смешная малышка в замызганной распашонке. В банке от консервов тлеют окурки. В руках у каждого – пиво. Наше появление не остается незамеченным.

– Ты из двести третьей? Новенькая? – проявляет догадливость один из парней. Я киваю и, не желая вступать в диалог, шагаю прочь по длинному коридору. Квартиры располагаются по обе стороны от него. Дом построен по типу малосемейки.

– Как зовут-то тебя? – кричат мне в спину.

– Серег, да отвели ты от нее. Не видишь, какая цаца! Нос от нас воротит.

Снимаю сумку с плеча, низко опускаю голову, делая вид, что никак не могу найти ключи, хотя знаю, что те лежат в отдельном кармашке. В соседней квартире гремит громкая музыка, в которой тонут нетрезвые голоса. И это в обеденное время. Страшно представить, что здесь будет ближе к вечеру. Охватившая меня паника концентрируется в пальцах – я никак не могу попасть ключом в замочную скважину.

– Дай я.

Дверь хлипкая, будто из ДСП. Замок тоже не слишком надежный. Делаю себе пометку – заменить и то, и другое. Не стоит забывать, что я вырвалась из приюта, но не из системы. Мое сиротское прошлое неотрывно плетется на шаг позади и дышит в спину. Хочу ли я работать? Да! Я готова делать все, что угодно, лишь бы от него оторваться.

– Тут же ничего нет! Даже кровати, – изумляется Галич.

Я окидываю взглядом выделенные мне «хоромы». На самом деле не так уж и плохо – обои поклеены, линолеум на полу. В кухне есть даже раковина и плита. Правда, ничего больше нет, но я к этому готова.

– Ничего, до вечера полным-полно времени. Я куплю матрас.

– Деньги-то у тебя есть?

– Да. Я не тратила.

– Молодец. Хозяйственная. – Влад брезгливо одергивает рукав. Я стараюсь не злиться, напоминая себе, что на самом деле он ничем мне не обязан. – Савве это понравится.

– Кому? – он уже второй раз упоминает это имя, вот только раньше я почему-то пропустила этот немаловажный факт мимо ушей.

– А, значит, ты не в курсе?

– Не в курсе чего?

Происходящее мне все меньше нравится.

– Твоим наставником будет мой брат.

– Почему же за мной приехали вы?

– Это пустая формальность.

– И все же я хотела бы знать, – не представляю, откуда во мне берется смелость, но прямо сейчас мне в самом деле важно прояснить, какого черта происходит. В голове некстати проносятся обрывки разговоров моих соседок по комнате, на которые раньше я вообще не обращала внимания. О том, что одна девочка попала к настоящему маньяку, который запер ее и держал при себе целый месяц, прежде чем ей удалось выбраться, ну, и в таком духе...

– Послушай, у меня совсем не осталось времени. – Влад бросает короткий взгляд на часы. – Поверь, Савва будет гораздо лучшим наставником, чем я. Это его инициатива – возиться...

– С детдомовцами.

– Звучит так, будто ты меня осуждаешь, хотя в этом слове лично я не вижу ничего плохого. Как ты знаешь, наставники – сами бывшие детдомовцы. И да, я очень спешу...

– Тогда тем более непонятно, почему за мной приехали вы.

– Потому что в нашей стране даже к чертовым волонтерам предъявляются какие-то требования, – раздражается Галич, – которым Савва несколько не соответствует. У тебя все?

– То есть на бумажке мой наставник вы, а на деле – он?

– Нет никаких бумажек. Но ты смышленная девочка. Вот. Возьми, – мне в руки перекочёвывает картонный прямоугольник. Наши пальцы с Владом соприкасаются. Его холе-

ные, явно после маникюра. И мои – с обгрызенными до мяса ногтями. Мне стыдно за свой внешний вид. Поэтому я резко отдёргиваю ладонь и отворачиваюсь, чувствуя, как вниз по щекам растекается густой румянец.

На визитке золотым теснением выведено – Савва Комиссаров, Гурман Групп. Телефон и электронный адрес.

– И что мне с этим делать?

– Позвони ему. Где-то через час. Он будет ждать.

– А зачем?

– Савва отвечает за работу с персоналом, так что ориентирует, куда тебе приходить, минуя испорченный телефон в моем лице.

– Ладно, – покладисто пожимаю плечами, хотя перспектива такого разговора меня не прельщает. Собственно, как и все остальное. Другой наставник. Ну, надо же. Я-то, дура, в глубине души все же надеялась, что Влад и впрямь уделит мне внимание лично. И тогда у меня появится шанс... На что? Подвинуть его жену? Боже, какая чушь. Он сейчас закроет за собой дверь и думать обо мне забудет.

– Ну, все. Я пошел. Не забудь позвонить Савве!

Дверь действительно закрывается, прежде чем я успеваю попрощаться. Я остаюсь совершенно одна в абсолютно пустой квартире. Отгоняя от себя тоску, еще раз прохожусь по комнате. Проверяю, везде ли работают лампочки. Прикидываю, что мне нужно купить, чтобы навести порядок и как-то устроиться на первое время. Список выходит длинным. Что-

бы ничего не забыть, я делаю заметки в телефоне, после нахожу на карте ближайший супермаркет и выхожу из квартиры. Компания на подоконнике заметно поредела, но совсем не разошлась. В спину мне летят улюлюканья и предложения присоединиться. Злить соседей не хочется. Мало ли, что у них на уме? Я вежливо отказываюсь, сославшись на необходимость купить барахло на первое время.

– Так ты в магазин? Мы с Машкой тоже. Поможешь стащить коляску? Пандус у нас, конечно, имеется, да только с таким наклоном пользоваться им – самоубийство, – догоняет меня у лифта уже знакомая незнакомка. Опускаю взгляд на сидящую в коляске малышку. Теперь на ней вполне приличный комбинезончик и шапка, наползающая на глаза. Невольно я улыбаюсь.

– Сколько ей?

– Одиннадцать месяцев. Меня Настя зовут.

– А меня Тая. Таисия.

– Очень приятно. Так что ты, говоришь, хотела купить?

За нами с грохотом закрывается лифт, я протягиваю свой список.

– Да ты и половины не допрешь. Закажи доставку. Стоит три копейки, и до двери дотащат.

Вот как? Мне такое даже в голову не приходило. Я грустнею, не в силах избавиться от мысли, что пока я была в интернате, мимо меня прошло столько всего, что теперь и не наверстаешь. Благо Настя, не замолкая ни на секунду, щед-

ро делится со мной своим опытом. К окончанию шопинга у меня начинает болеть голова. То ли от ее трескотни, то ли от количества информации, которая на меня обрушивается.

– Если что-то срочно понадобится, стучи. Я одолжу без проблем. Мы своих в беде не бросаем, знаешь ли.

Я благодарно киваю, хотя уверена, что никогда к ней не обращусь. Я хочу вырваться из этого круга, интегрироваться в нормальную жизнь. А это вряд ли получится, если я проявлю слабость.

– Спасибо, что помогла.

– Да пустяки. Ты это, Тай, осторожней с соседом. Он тоже из наших, но какой-то припадочный. Пару раз пришлось даже ментов вызывать.

– И за предупреждение спасибо.

Испуганным зайцем шмыгаю в свою квартиру и закрываюсь сразу на два замка. Пакеты с покупками облокачиваю на стену. Ничего скоропортящегося за неимением холодильника я не покупала. Так что разберу потом. А пока достаю из кармана визитку. Не давая себе передумать, набираю неизвестный номер.

– Да... – мужчина на том конце связи говорит тихо, но как-то так странно, что я понимаю – его нельзя не услышать.

– Кх... Здравствуйте. Меня зовут Тая. Таисия Шестакова. Влад... то есть Владислав Сергеевич, сказал, что я могу вам позвонить по поводу работы.

Я замолкаю. Некоторое время в трубке тоже молчат. Но я

слышу, как кто-то говорит фоном.

– Подходи завтра к одиннадцати. В Сэвен.

И все. В ухо мне – гудки. Я даже не уверена, что мне не почудилось все только что сказанное. Что за Сэвен? Куда мне идти? Наверное, более сведущему человеку это о чем-нибудь и сказало бы, но в том-то и дело, что у меня несколько иная ситуация. И моему, черт его дери, наставнику, об этом следовало бы знать.

Я поднимаюсь, чувствуя себя непривычно измученной. Откладываю телефон. Следующие несколько часов я занимаюсь домашними делами – мою, чищу, оттираю еще, кажется, строительную пыль. После надуваю матрас, застилаю купленным в магазине постельным бельем и плетусь в душ. Засыпаю под пьяные вопли соседей.

Глава 3

Оказывается, Сэвен – это ресторан. Судя по тому, что он расположен в самом что ни есть центре – ресторан дорогой. Я открываю нужную вкладку в Трип Адвизоре, пролистываю фотографии. К семи утра мои соседи, наконец, утомонились, так что я занимаюсь этим в полнейшей тишине. И все звуки, которые возникают в моих ушах – чей-то беззаботный смех, легкий звон приборов, тихая музыка – это все лишь отголоски моего разыгравшегося воображения. Почему-то мне кажется, что именно так звучит это место. Я улыбаюсь собственным глупым мыслям и перехожу к следующей фотографии. На ней запечатлен открывающийся из окон ресторана вид на главную площадь города. Шикарная, с виду – будто хрустальная люстра спускается к центру стола и заканчивается в нескольких сантиметрах от роскошного букета, что его украшает. А я не знаю даже названия этих цветов...

– Подходи завтра к одиннадцати. В Сэвен.

Легко сказать – подходи. Интересно, туда вообще пропустят такую замарашку, как я? Возможно, для персонала у них наверняка имеется отдельный вход? Эта мысль немного сбавляет всколыхнувшуюся во мне панику, но оставляет открытым вопрос – как его, этот вход, найти. Откладываю телефон, поднимаюсь с матраса и застываю у окна. Мне повез-

ло, то выходит на пустырь, за которым пока ничего не успели настроить, и я могу без помех наблюдать, как розовым светом на горизонте зарождается новый день. Красиво... Я стараюсь концентрироваться на положительных эмоциях. Но вспыхнувшую злость не так-то и легко заглушить. Ну, почему мой гребаный наставник не посчитал нужным объяснить мне, что да как, более детально? Он же должен понимать мой страх! Или нет?

– Нет, Тая. Нет! Тебе никто ничего не должен, – шепчу собственному нечеткому отражению в окне. Живот сводит. То ли от голода, то ли от паники. Я плетусь в кухню, набираю из-под крана воды в купленный вчера электрический чайник, и пока тот, весело бурля, закипает, насыпаю в чашку две ложки дешевого кофе. В ванной я долго стою под душем. Это тоже моя мечта – вот так стоять и никуда не торопиться. В интернате о неспешной помывке можно только мечтать, всегда кто-то стоит над душой и торопит, стучась в хлипкие двери. А тут – пожалуйста, ни в чем себе не отказывай. Мечты тоже бывают разными. И иногда, вот, как сейчас, они сбываются.

Выпив на пустой желудок кофе, я высыпаю прямо на пол из сумки свое нехитрое барахло. Если верить, что встречаются по одежке, шансы понравиться у меня минимальны. Под джинсы, в которых я была вчера, можно надеть байковую рубашку, а можно – теплый шерстяной свитер. Рубашка новей. Останавливаю выбор на ней, хотя понимаю, что в своей курт-

ке на рыбьем меху рискую замерзнуть напрочь.

– Ничего! Красота требует жертв, – говорю вслух, хотя никогда раньше за собой такого не замечала. Наверное, я слишком привыкла к постоянной трескотне девчонок. Тишина мне так же желанна, как и непривычна.

В подъезде снова сталкиваюсь с Настей.

– О, привет, соседка! А ты куда в такую рань тащишься?

– Устраиваться на работу.

– Далеко ехать?

– В центр.

– А мы с Машкой топаем выбивать субсидию. На, вот, проездной. Ты ж, наверное, еще не купила?

– Не надо, что ты. Я не возьму. Тебе самой может понадобиться.

– Да я сегодня никуда не собиралась ехать, – отмахивается Настя.

– Мне же все равно его покупать, так что займусь этим сразу.

– Ну, сама смотри. Как на новом месте-то, жених не снился?

– Какой жених? – недоумеваю я, не зная, как поскорее свернуть этот бесполезный разговор. Меньше всего мне хочется сегодня опоздать.

– Ты что, не знаешь? Когда ночуешь в каком-то незнакомом месте, нужно сказать: «Сплю на новом месте – приснись жених невесте». И тогда он приснится!

– А-а-а. Нет, я не знала. Прости, Насть, я спешу.

– Да-да, беги! И это, попробуй, сегодня ночью загадать. Может, еще сработает. Ты ж не знала, как надо.

Мысленно я закатываю глаза, но на деле послушно киваю и, прибавив шаг, плетусь к остановке. К метро еще нужно подъехать автобусом. Живем-то мы черте где. После, правда, всего-то одна пересадка, и я почти у цели. Час пик миновал, так что добираюсь даже с комфортом. Правда, на дорожку уходит больше времени, чем я рассчитывала. Поэтому от метро до здания, в котором расположен ресторан, я почти бегу. Как я и думала, на входе меня останавливает мужчина в красивом костюме.

– Я от Влада Галича. К Савве... э... не знаю, как отчество, по поводу работы. – Мужчина хмурится, явно готовый меня выставить. Чтобы этого не допустить, я принимаюсь торопливо шарить по карманам в поисках визитки. Куда же я ее сунула? Мужчина с изумлением наблюдает за мной. – Вот. Говорю же... Меня пригласили.

Мужчина в костюме достает телефон и кому-то звонит.

– Савва Игоревич, тут к вам от Владислава Сергеевича, по поводу работы девушка... Ага. Сейчас провожу.

Не сумев скрыть торжества во взгляде, вскидываю подбородок. А мужику хоть бы хны. Я для него – грязь под ногами.

– У шефа сейчас планерка. Придется подождать. Меня зовут Николай.

Делать нечего – я равнодушно пожимаю плечами и пле-

туть за Колей вглубь зала. Тот по-настоящему огромен! Верчу головой по сторонам, не в силах остановиться на чем-то одном. Здесь все прекрасно – лепнина, отделка, скатерти, вид, посуда... Люди. Очень много людей.

– Сегодня затянулась планерка, – видя мое любопытство, снисходит до объяснений мой провожатый, указывая на стул. Я вытягиваю шею, чтобы получше рассмотреть кучкующийся народ. И, если повезет, своего наставника.

– У нас закончилась красная смородина. Я подумал, что не будет ничего плохого, если я заменю её... – доносится до меня чей-то звенящий от напряжения голос. На контрасте с ним голос его оппонента, кажется, напротив, абсолютно спокойным. И таким... значимым.

– Стоп. Ты подумал?

– Ну, это всего два блюда, которые мы уже взяли в работу.

– Напомни, пожалуйста, технологическая карта предусматривает такую замену?

– Нет, но...

– Нет никаких «но»! Есть просто – нет. И все. Это залет. Минус двадцать от премии. Все понятно?

Нервный мужчина опускает голову и что-то тихо замечает.

– Мне не интересны твои мотивы, Роман. Я не прошу тебя думать. Вот откроешь ресторан собственной авторской кухни, и там твори, сколько влезет. А пока этого не случилось, и шеф здесь я – работаем по утвержденным мною техноло-

гическим картам. Окей?

– Да, шеф.

– Отлично. Тогда всем спасибо. Приступайте к работе.

На моих глазах народ расступается, пропуская вперед ко-
ренастого абсолютно лысого мужчину. С удивительной лег-
костью он стремительно проходит через зал. Я едва успеваю
отшатнуться и выпрямиться на своем стуле, когда он входит
в кабинет. Обходит стол и усаживается лицом ко мне и спи-
ной к окну.

– Д-добрый день, – под его пристальным взглядом я по-
чему-то сбиваюсь.

– Здравствуйте.

– Я – Тая. Таисия Шестакова. По поводу работы.

Мужчина напротив кивает. И проводит широкой ладонью
от макушки вниз по лицу, будто стряхивая усталость.

– От Влада... – зачем-то повторяет очевидное.

– Да. От него.

– Окей. И в какой сфере я могу найти тебе применение?

Это он у меня спрашивает? Серьезно? Я все сильнее нерв-
ничаю, хотя буквально минуту назад казалось, что сильнее
уже просто некуда.

– Я не знаю. Влад сказал, что вы сами решите. Опыта у
меня нет, поэтому, полагаю, это будет какая-то стартовая по-
зиция.

– У меня нет свободных вакансий. Если только ты не хо-
чешь пойти уборщицей.

– Все зависит от того, сколько вы платите.

Кажется, моего наставника удивляет такой ответ. И заставляет повнимательнее ко мне присмотреться. Не знаю, почему мне так кажется, ведь внешне это никак не проявляется. Савва настолько холоден и закрыт, что его вообще трудно заподозрить в наличии каких либо чувств.

Он скользит широкой ладонью по столу. Не отрывая от меня взгляда, нащупывает бумагу, размашисто что-то на ней выводит. И протягивает мне. Сумма не большая, но и не маленькая. Рассчитывать на большее в моем положении глупо.

– Когда я могу приступить к работе?

– Сегодня. Надеюсь, твои документы в порядке?

– Смотря о каких документах речь.

– О трудовой и санитарной книжках. – Савва чуть сощуривается. Он явно старше Влада. И совсем на него не похож. Впрочем, это, вероятно, объясняется тем, что у них разные отчества и фамилии. А значит, разные отцы. Интересно, как часто Влад появляется в этом ресторане? Есть ли у меня хоть какой-то шанс еще на него посмотреть? – Так, что?

– Нет. У меня нет. Ни того, ни другого.

Мой ответ Савву злит. Хотя опять же, я не совсем понимаю, почему так в этом уверена. Это просто какие-то странные вибрации в воздухе, которые я улавливаю, будто радио, настроенное на нужную частоту. Ничего мне не говоря, Савва тянется к телефону. И да, руки у него тоже совсем не такие, как у Галича. Интересно, они хоть в чем-то вообще по-

хожи?

– Алло. Влад, тут ко мне от тебя пришли устраиваться на работу. Ну, ты бы хоть сказал девочке, какие документы нужны, что ж ты мое время понапрасну тратишь? Что значит – какая девочка? – Холодный взгляд серых глаз проходится по моей застывшей на стуле фигуре, – Таисия Шестакова.

«Ну, надо же! Он запомнил мое имя», – удивляюсь я.

– Что ты говоришь? – Савва отходит, будто этот разговор меня не касается. Спина у него широченная. В то время как Влад тонок и поджар, его брат огромен, как платяной шкаф. И белый фирменный поварской китель лишь это подчеркивает. – Какая еще подопечная? Ты спятил? Она – девка!

И вот тут до меня окончательно доходит, что, во-первых, Галич не предупредил о моем приезде, хоть и обещал, а во-вторых, мне вообще не рады. Я встаю. Не желая никого тяготить. И тем более давить на жалость, мол, ну, возьмите сиротку, возьмите. Подхватываю рюкзак, плетусь к выходу.

– Эй, стой! Ты куда? – меня останавливают уже у самого выхода. Все же удивительный у него голос, у этого Саввы...

– Видимо, произошла какая-то ошибка, так что, думаю, мне не следует вас задерживать.

– Сядь, – отрезает он. Тычет крупным пальцем на стул, как собаке указывая на место, но почему-то вместо того, чтобы психануть и посильней хлопнуть дверью, я подчиняюсь. Черте что. Во мне поднимается волна протеста. Я злюсь сама на себя. На собственную бесхребетность, которая не остав-

ляет мне гордости. Но тут он совершенно неожиданно добавляет: – Ты ни в чем не виновата. – И весь негатив растворяется, будто его и не было. – Я перезвоню. Сейчас неудобно говорить.

Савва откладывает телефон и сосредотачивает взгляд на мне.

– Ну, ты все поняла. Произошла накладка. Влад замотался, я тоже...

– Да, поняла. Все нормально.

– Вообще-то нет. Это – косяк. Но теперь уж что? Похоже, я за тебя в ответе.

– Послушайте, это необязательно, я ведь правда все понимаю...

– Ничего ты не понимаешь, – усмехается он не мне, какими-то своим мыслям. – Давай сначала начнем. Ты как устроилась вообще? Где? Как соседи и общее впечатление?

– Ничего. Нормальные. Квартира в новом доме. Я довольна.

– Если что-то не так, ты мне сразу говори, будем решать...

– Нет, все в порядке, – стою на своем, не желая обременять кого-то своими проблемами.

– Я правда хочу быть полезным. Но не знаю, чем помочь девочке. Может, тебе найти наставника-женщину?

Я вздыхаю. Медлю, прикидывая, насколько я могу быть с ним откровенна. И не нахожу ни одного аргумента против. В конце концов, терять мне абсолютно нечего.

– Послушайте, Савва Игоревич, я, может, кажусь вам глупой малолеткой, но что плохо, а что хорошо, я и без всякого наставника знаю. А еще я точно знаю, чего хочу от этой жизни, и не собираюсь ее просрать. Вы мне поможете, если дадите работу. А если нет – я не умру. И подыщу что-нибудь еще. Может, даже поближе к дому.

– Значит, другого наставника ты не хочешь?

– Нет. Он мне не нужен в принципе. Я за эти сутки действительно многое поняла.

– Советую все же не торопиться с выводами. Эту программу затеяли не просто так.

Да. Наверное, он прав. Я переступаю с ноги на ногу, не понимая, к чему он клонит.

– В кухню я тебя не пушу и близко, пока не принесешь санитарную книжку. Так что поторопись.

Савва встает, ясно давая понять, что наш разговор закончен.

– Хорошо, – лепечу я.

– И это... сохрани мой телефон, да звони, если будут вопросы, не стесняйся.

Я знаю, что звонить ему мне и в голову не придет, но все равно благодарно киваю. А после выхожу из кабинета и, замерев от восторга, бреду через зал. Подумать только, я могу здесь бывать каждый день!

Глава 4

– Ну, наконец-то! Девочки, это Тайка! Ты какого черта нам не звонила, а? Совсем берега попутала?

Я без сил опускаюсь на надувной матрас. Ставлю телефон на громкую связь и с удовольствием потягиваюсь, закинув руки за голову. Матрас противно скрипит.

– Не попутала. Просто у меня столько дел, что на болтовню никаких сил не остается.

Вообще ни на что не остается. Даже на то, чтобы купить диван. Или тот же холодильник.

– Ишь ты, какая деловая! Нет, девочки, вы слышали? Сил у нее нет.

– Да зазналась она. Вот и все, – доносится чуть приглушенный голос Ольки. Видно, Арина, как и я, включила громкую связь. Я легко, будто и сама до сих пор нахожусь рядом с ними, могу представить, как девчонки сидят кружком у телефона в ожидании новостей. Чувствую их нетерпение и живой интерес, в конце концов, я и сама еще совсем недавно точно так же ждала весточки от ребят, вырвавшихся на волю.

– Вот только не начинай, – прошу я. – Знала бы ты, сколько мне пришлось побегать.

– Куда хоть бежала? – смеется Арина.

– Сначала квартиру приводила в порядок, потом на работу

устроивалась, проходила медкомиссию – это тот еще квест, а теперь, вот, бегаю на стажировку.

– Ты чего, себе даже каникул не устроила?

– Нет. Не хочу терять время. Мне нужно подкопить денег, потому что, когда поступлю, с финансами будет туго.

– Да уж, с зарплатами, которые платят нашим, подкопишь, – глумится Ольга.

– Оль, ну, ты чего завелась? Лично мне кажется, Тая все правильно делает. Ты куда устроилась-то? Кем? – заступает за меня Арина.

– Тебе помог Галич? – вторит ей Ника, озвучивая наиболее интересующий всех вопрос. Я в общих чертах рассказываю, что да как.

– То есть он тебя просто скинул на другого?! А я всегда знала, что это наставничество – полная херня.

– Вот-вот, кому мы нужны?

– Хорошо, что хоть на работу пристроили. Так кем ты, говоришь, трудишься?

– Уборщицей.

– Уборщицей? – хохочет Ольга. – Вот это я понимаю – карьера!

– Оль, перестань! – снова одергивает ту Арина.

– А что, чтобы стать уборщицей, нужно проходить стажировку?!

– Если хочешь работать в таком месте, как Сэвен, то да.

– Слушай, а правда, что туда одни олигархи и звезды хо-

дят? Ты кого-нибудь уже видела? А автограф ты можешь взять?!

Улыбаюсь, вспоминая прошедшие трудовые будни. Да, может быть, для этих глупых мечтательниц мой рассказ – полнейшее разочарование. Но не для меня. Находясь в Сэ-вен, я наслаждаюсь каждой минутой. Это какой-то совершенно чуждый мне удивительный мир, к которому я могу прикоснуться. И я с жадностью впитываю его в себя. Поглощаю все, что вижу. Без разбора. Мне все интересно – начиная от слаженной работы кухни, заканчивая работой официантов. Сервировка, подача, магический процесс создания блюд – мимо моих глаз ничего не проходит бесследно. Ну, и отдельное удовольствие – наблюдать за гостями – женщинами в шикарных нарядах, их состоятельными спутниками, детьми, которых, в отличие от меня, ничем уже не удивить. Жаль только, у меня почти не остается времени на это. Физически моя работа очень нелегка. Когда заканчивается смена, я едва переставляю ноги от усталости. Впрочем, даже эта усталость приятна. Я чувствую себя причастной к той атмосфере праздника, которую наша команда каждый день создает для гостей. И это какое-то совершенно особенное ощущение.

– Слушай, Тай, как по мне – так у тебя работа мечты! – почти завистливо вздыхает Ника.

– Мыть полы? Ты серьезно? – смеется Ольга.

– А что? Ты только представь, какие там мужики! Где ты

еще таких встретишь?

– Тайка, колись, к тебе кто-нибудь уже подкатывал?

Нет. Все же девочки – такие девочки. Хочется им верить в сказку – хоть ты тресни. А детдомовским девочкам хочется верить в сказку вдвойне.

– Нет. Ничего такого не было.

– Ну, и ладно. Значит, все впереди! – уверенно заявляет Ника.

От беседы с соседками по комнате меня отвлекает странный звук.

– Девочки, подождите. Тут кто-то ко мне скребется, – шепчу я, на цыпочках выходя из комнаты. Из подъезда до меня доносится отборный мат. А следом кто-то начинает что есть сил молотить в дверь.

– Открывай, шлюха! Я знаю, ты здесь. Ты что, замки сменила?!

– Что у тебя там происходит? – настораживается Арина.

– Реальная жизнь, – я усмехаюсь, хотя сердце заходится от страха. И, что самое обидное, в этом страхе я сама виновата, потому что до сих пор не поставила дверь понадежней. В том есть какая-то злая ирония – после сказки, в которую я погружаюсь в Сэвен, каждый раз возвращаться сюда. Почти в ад.

Понятия не имею, что делать. Вызывать полицию? Так те не спешат приезжать в наше гетто. А грохот все не смолкает. Кто-то из соседней квартиры орет: «Да утомонитесь вы!», но

толку от этого немного.

– Я перезвоню, – бросаю в трубку. Включаю свет, диковато озираюсь по сторонам. Мне бы чем-нибудь подпереть дверь, но банально нечем. Моя квартира так же пуста. – Прекратите! Вы ошиблись. Не знаю, кто вам нужен, но вам точно не сюда. Слышите? Я сейчас вызову поли... – дверь отлетает, не выдержав удара ногой. В последний момент я успеваю увернуться. Сама не понимаю, каким чудом умудрилась избежать удара. А впрочем, практически тут же он следует оттуда, откуда я его не ждала – меня отбрасывает к стенке ворвавшийся в квартиру мужик. Он обдолбан, либо пьян – я не знаю. Да и разве важно, почему он не в себе?

– Я убью тебя, убью! – ревет незнакомец и трясет меня так, что мой затылок с глухим стуком ударяется о стену. Сознание медленно меркнет, но я не думаю, что от боли. Виной всему дикий лишаяющий воли страх. Неужели все так глупо закончится?

– Где этот ублюдок?! Где он?!

В последний раз припечатав меня о стену, мужик отпускает мой порванный халат и на заплетающихся ногах шагает в комнату. Это мой шанс! Я медленно-медленно, будто увязнув в этом кошмаре, выпрямляюсь и пячусь к двери. Коридорчик, который всегда мне казался тесным, сегодня какой-то совершенно нескончаемый. Я делаю шаг и замираю, как кролик, потому что мужик возвращается.

– А где мой диван? Шифоньер где? Гантели? И... Светка,

ик, Светка моя где?

– Э-это мо-й-я квартира. Здесь вашего ничего нет... Вы ошиблись.

– Твоя? Хрена си. Ик... Я че, опять, не туда попал? А ты чего молчала?

Я смеюсь. Клянусь, я смеюсь! До слез, в голос. Это истерика. Срыв. Это что-то страшное. То, чего я никогда еще не испытывала. И не думала, что могу.

– Д-да, к-как-то не было возможности, – выдавливаю с трудом сквозь приступы безудержного хохота. По щекам текут слезы, во рту ощущается металлический вкус крови. Похоже, я прикусила язык, когда он меня тряс.

– Ну, ты осторожней будь, че! Мог же и зашибить.

Я смеюсь пуще прежнего, и это отнимает последние силы. Прячу лицо в ладонях и медленно по стеночке сползаю на пол. Коридор действительно тесный. Я сажусь на собственные, еще не успевшие просохнуть ботинки. И смеюсь... Смеюсь.

– Ага. Б-буду! Непременно, – всхлипываю, утыкаясь носом в коленки. Сколько я так сижу? Бог его знает. Из подъезда тянет холодом и подвальным смрадом. Постепенно я прихожу в себя. Поднимаюсь, напоминая себе, что сидя с открытой дверью, рискую нарваться на новые неприятности. Пытаюсь ту закрыть, но короб так повело, что это получается у меня далеко не сразу. Еще и защелка сломана. С трудом удастся закрыться на нижний замок. Это слабая защита, я пони-

маю, что дверь без труда откроется, ударь по ней посильней, да только какой у меня выбор? Я перетаскиваю свой матрас в коридор, ложусь головой к двери, подпирая ее собственным телом. О том, чтобы уснуть, даже не мечтаю. Все, чего я хочу, чтобы утро пришло скорей, но никогда еще ночь не длилась так долго...

На работе на следующий день я рассеянное, чем обычно. Это, конечно же, не остается незамеченным.

– Что с тобой случилось? – сводит темные брови моя наставница Айна. Вместе с ней – неразговорчивой, тонкой, как тростинка, казашкой, мы рука об руку проработали уже две недели. Мне нравится, как доходчиво и терпеливо она объясняет тонкости работы. Если честно, далеко не каждый здесь готов делиться своим опытом с новенькими так щедро.

– Ничего, – отвожу взгляд. – Извини, я протру это еще раз...

По крайней мере, я надеюсь, что смогу это сделать, несмотря на непрекращающуюся, а лишь наоборот усиливающуюся боль в затылке. От которой, признаться, меня мутит. Ничего-ничего. Уже совсем чуть-чуть осталось. Ресторан закрылся уже больше часа назад.

– Ничего? – Айна недоверчиво хмыкает. Берет мое запястье, обхватывает и с намеком косится на оставленные чужими пальцами синяки. – Знаю я это ничего. Сама с таким уродом пять лет жила. Все думала, исправится... А они не исправляются. Понимаешь? Беги от него, пока не поздно.

– Ой, нет. Ты что подумала? Будто это мой мужик?

– А то кто же?

Я оседаю на стул, обхватываю гудящую голову и, не видя ни одной причины скрывать то, что со мной случилось, выкладываю все, как есть, пока Айна домывает пол.

– Сумасшедший дом. Ну, и что ты думаешь делать? Возвращаться туда?

– Ну, другого варианта у меня нет.

– Ты спятила? А если этот придурак вернется? Или кто-то другой? Контингент, как я понимаю, там у вас своеобразный.

– Это мягко сказано.

Боль в голове становится невозможной. Меня как будто качает на волнах – я то почти отключаюсь, то вновь выныриваю на поверхность. И даже звуки доносятся до меня как сквозь толщу миллионов кубометров воды.

– Пока не поставишь дверь – туда лучше не соваться. Тебе когда обещают поставить?

– Завтра.

– Вот и хорошо. А сегодня ты переночуешь здесь.

– Да ты что? Влетит же!

– Не влетит. Я поговорю с Жоркой. Он мужик нормальный. Прикроет. Ты же не на ПМЖ сюда перебираешься. Всего на одну ночь. Кстати, диванчик в комнате отдыха раскладывается, ты знала?

Я не знала, но сама мысль о том, что я могу куда-то прилечь, с каждой секундой кажется мне все более заманчивой.

– Слушай, ты что-то такая бледная! Ты вообще нормально себя чувствуешь?

– Да. Просто не выпалась, – вру, чтобы еще больше не тревожить Айну.

– Ну, тогда иди уж, ложись. Я сама тут закончу. И с Жоркой поговорю.

Все происходящее кажется сном. Бредом... Абсолютно больная я плетусь к комнате отдыха. Свет уже давно выключен, а там, где еще горит – приглушен, но мне один черт глаза режет. Я залипаю на искрящихся в хрустале люстр ярких отблесках. Голова кружится, огни большого города сливаются в одно ослепляющее пятно. В бреду дохожу до дивана. Опускаюсь на него... И прежде, чем меня окончательно вырубает, я шепчу в темноту глупое:

– Сплю на новом месте – приснишь жених невесте.

А снятся мне какие-то кошмары. Снится ворвавшийся ко мне мужик, снится Савва, который почему-то кричит, снятся дерганные официанты, подвыпившие гости, снится Влад. Он белозубо улыбается и наклоняется ко мне, ниже... Ниже... Низ живота сводит сладкой судорогой. Так вот, что такое влечение! Ноздри заполняет его аромат.

– У-у-у, – с моих губ срывается стон.

– Какого черта?! Это еще что такое?

Губы Влада так близко... Невыносимо. Влад. Только вот зачем он меня трясет?

– Вла-а-ад.

– Савва, какого черта у тебя здесь происходит?

Савва? В смысле? Я медленно открываю глаза и, наконец, понимаю, что в мой сон бесцеремонно вторглась реальность.

– Тая? Ты что здесь делаешь? У тебя все хорошо? – за плечом склонившегося ко мне Галича возникает лысая голова Комиссарова. Я касаюсь холодными пальцами висков. Но туман в голове и не думает рассеиваться.

– Все хорошо.

– Тогда какого черта ты здесь разлеглась? – хмурится Влад.

Мысли путаются. Отчетливо я понимаю лишь одно – прямо сейчас мне нужно уйти, чтобы никого не подставить.

– Извините, кажется, я нечаянно уснула. – Я резко встаю, опускаю ноги с дивана и даже умудряюсь сделать несколько шагов, прежде чем понимаю, что все – ноги меня не держат. Узор на богатом ковре начинает кружиться перед глазами, и я падаю, падаю, падаю... Прямо в чьи-то сильные горячие руки.

Глава 5

Пахнет чем-то резким. Похоже, нашатырем. Вонь забивается в нос и выжигает дотла рецепторы. С моих губ срывается протестующий стон. Еще не вернувшись в сознание до конца, я медленно поднимаю непослушную руку и прикрываю лицо ладошкой.

– Тая! Ты меня слышишь?

Голова раскалывается. И да, я слышу. А вот соглашаться с этим вслух не хочу. Наоборот, мне ужасно хочется притвориться, что все еще нахожусь в забытье. Но ведь мои наставники так просто не отступят – того и гляди опять возьмутся за нашатырь.

– Да. Сейчас... Я сейчас встану.

– Да лежи уж, встанет она!

Это Влад или Савва? Мне так хреново, что я не могу разобраться.

– Надо вызвать скорую.

– Не надо! Я в порядке.

– Да? А это что? – руку, которой я все еще прикрываюсь, обхватывают чьи-то пальцы. – Откуда эти синяки? Что вообще случилось? Тебя били? Кто? Почему ты мне не позволила?

– Не кричите. Пожалуйста. Плохо.

На самом деле никто и не кричит. Но почему-то складывается впечатление, что слова, срывающиеся с губ моего наставника, заполняют собой все пространство. И давят, давят, сжимая все сильнее виски.

В ответ на мою просьбу я слышу поток отборной, но едва слышной ругани. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. А следом будто издалека:

– Скорая? У нас тут девушке плохо. Потеряла сознание. Записывайте адрес!

– Тая, я понимаю, тебе нехорошо. Но нужно объяснить, где болит? Слышишь, девочка?

Девочка. Сколько в этом слове забытой нежности...

– Голова болит. Я ударилась.

– Ударилась, значит? – в голосе, который я никак не могу идентифицировать, звучит явное недоверие. И как будто бы злость.

– Ну, ударили. Какая разница? – шепчу я, не желая ее подпитывать.

– Какая разница?! – Непонятно кому принадлежащий голос становится совсем неподъемным. И снова, то проваливаясь в черноту, то вновь из нее выныривая, я слышу обрывочное:

– ... остановись! Какого черта ты...

Остановись – кто? Какого черта – что? Ничего не понимаю.

– Я что скажу? Встреча переносится, потому что у меня

заболела уборщица? Ты в своем уме?

Ах вот как? Значит, Савва. Ну, его замечание можно понять. Не такая уж я ценность в их мире. Зато Влад – молодец. Еще не потерял человеческого облика. Влад... Не открывая глаз, накрываю его ладонь своей рукой. Трусь об нее щекой. Я не в себе – мне можно.

– Больная, а все туда же, – тут же комментирует мой порыв Савва. «Заткнись», – проносится в моей голове.

– Заткнись, – озвучивает мои мысли Влад. Я улыбаюсь в его ладонь, несмотря на то, что любое подобное усилие донельзя обостряет боль. Мы с ним как будто два заговорщика. Мы с ним... Мечты-мечты. Но я не в себе, да. Мне можно.

А потом приезжает скорая. И после короткого осмотра меня забирают в стационар.

– Провожаящие будут?

– Да. Я поеду.

– Не дури! Асеев уже подъехал.

– Ну, так проведи встречу сам. Ты же взрослый и умный дядя.

Это последнее, что я слышу перед тем, как опять проваливаюсь в вязкое, как болото, забытие. Все, что происходит потом – я помню смутно. Зато наутро мне становится лучше. Боль, хоть и не исчезает бесследно, отодвигается на второй план. Спасибо лекарствам. Я осторожно потягиваюсь, открываю глаза и, напроць забыв о всякой осторожности, резко сажусь на кровати. Естественно, меня тут же на-

чинает мутить. Проходит не один десяток секунд, прежде чем я вновь могу пошевелиться, не рискуя выблевать кишки. Осматриваюсь. Нет, конечно, больничную палату ни с чем не спутаешь, но, во-первых, я в ней одна, а во-вторых, здесь весьма симпатично. Влад расстарался, но почему? Неужели из чувства вины? Не знаю. Но от этих мыслей у меня кружится голова. Обещаю себе об этом подумать, когда станет немного полегче. Спускаю ноги с кровати и шагаю к двери, за которой, как я подозреваю, располагается ванная комната. Из зеркала на меня смотрит настоящее пугало.

– Ужас, – комментирую я. Уж не знаю, чем руководствовался Галич, мне помогая, но точно не мужским интересом. Настроение портится. У меня нет ни одной связной мысли о том, что делать дальше. По-хорошему, не мешало бы вспомнить о гордости. Оплатить обследование из накопленных средств и потребовать выписку, потому как я вовсе не уверена, что могу позволить себе лечение в этой клинике. Ох, ты ж черт! Двери... Мне сегодня должны были поменять двери! И ведь наверняка уже звонили ремонтники. Вот только где мой телефон?

Я закрываю кран, вываливаюсь из ванной и едва не врезаюсь в широкую грудь Саввы.

– Ой!

– Осторожно. Ты долго не выходила, вот я и подумал, что... – он замолкает, не договорив. Проходится по мне своим странным абсолютно нечитаемым взглядом и отходит в

сторону. Наверное, это очередной бред, но мне кажется, что на секунду его взгляд задержался на моей груди. Глупости! Там и груди как таковой нет, и вообще, с чего бы ему на меня пялиться, когда в его распоряжении полно женщин, которым я и в подметки не гожусь? Будто надеясь найти тому подтверждение, мой взгляд соскальзывает вниз вслед за взглядом Комиссарова. Я еще в ванной заметила, что на мне сорочка с чужого плеча. Из тонкого белого ситца в мелкий голубой цветочек. Миленькая, но большая мне по размеру. Если бы не пятна воды, которые попали на ткань, пока я умывалась, она бы выглядела весьма целомудренно. А так...

– О-ох...

– Что? Больно? Ляг! Чего ты вообще вскочила?

Не больно. Скорее ужасно неловко. От того, что он имел возможность лицезреть мои торчащие соски. Судорожно осматриваюсь. В палате имеется даже шкаф, вот к нему я и направляюсь, надеясь обнаружить там свое барахло.

– Тая, что ты делаешь?

– Пытаюсь найти свои вещи. Мне нужен телефон.

– Зачем? Да ляг ты, – повторяет, видя, что я не тороплюсь с ответом. Надое! Сядь, ляг. Ну, ведь правда, как собаке... А тут еще почему-то вспомнилось, как он отговаривал Влада ехать со мной в больницу.

– Я не могу себе позволить лечиться в подобном месте. К тому же мне ощутимо лучше.

– Вернись в постель. Или я верну тебя туда силой.

– Вы не понимаете! У меня куча дел.

– Это каких же?

– В моей квартире сегодня должны заменить дверь. Вы не в курсе, мой рюкзак не забирали?

– За дверь не переживай. Об этом уже позаботились.

– Влад? – выдыхаю я прежде, чем успеваю обдумать то, что ляпнула. Какого черта я вообще решила, что ему есть дело до моих проблем? Господи, мы с ним виделись один раз. Ну, ладно, два раза! – В смысле, он же мой наставник... На бумаге, – лепечу смущенно, чувствуя, что явно переоценила собственные силы. Головная боль усиливается с каждой секундой. И, может быть, мне действительно не стоило торопиться с выпиской, да только раз я уже о ней заговорила – не идти же мне на попятный?

– Ага. Наставник, – сощуривается Савва и кивком головы указывает в сторону кровати: – Я жду.

– Мне домой надо.

– Тебя нужно наблюдать. Хотя бы еще один день. Если завтра все будет в порядке – выпишешься.

– Но работа...

– Не волк. В лес не убежит. А по поводу двери не беспокойся. Там все в лучшем виде сделали.

– А как вы вообще узнали? Ну, про дверь...

– Так ведь у меня твой рюкзак остался. А в нем телефон.

– Ясно. Извините, что причинила вам столько хлопот. Вам вовсе не обязательно было мне помогать. Я бы сама справи-

лась.

– Вижу я, как ты справляешься. Ладно, проехали. У меня сегодня еще полно дел. Заеду за тобой завтра.

– Не нужно. Я могу вызвать такси. Вы только рюкзак с телефоном оставьте.

– Сказал же, отвезу!

Такая настойчивость мне непонятна. Он за две недели ни разу не проявил ко мне интереса. Не спросил, как я и чем живу. Да и потом, когда мне стало плохо, ясно дал понять, что я ему в тягость. Так какого черта теперь он делает вид, будто это не так? Неужели вдруг совесть проснулась? И можно ли вообще в данном случае говорить о совести? И как-то его осуждать? Ведь все мы люди. И у каждого из нас свои проблемы.

– Послушайте, я же понимаю, что у вас полно дел. А я не без рук и смогу о себе позаботиться. Правда... Все нормально.

Савва смотрит на меня, не мигая. И его взгляд, как всегда, бесстрастен. Но те самые вибрации в воздухе отчетливо дают мне понять – он раздражен и зол.

– Я заеду завтра. Дождись, – отрезает Комиссаров и, крутанувшись на пятках, шагает к двери.

– А Владислав Сергеевич...

Савва резко останавливается. Оборачивается ко мне вполоборота. Так, что становится виден его хищный профиль.

– Он в заграничной командировке.

– Понятно.

Действительно понятно, почему ко мне приехал Савва, а не тот, кто настоял на моей госпитализации. Интересно, Влад думает обо мне? Хоть иногда?

– Ага. Думает. Откуда ты взялась на нашу голову? – шепчу, поудобнее устраиваясь на подушке. Ну, ничего. Главное, чтобы он в принципе обо мне не забыл. А там, глядишь, у меня отрастут волосы, и я смогу ему хоть немного понравиться. О том, что будет дальше, я не задумываюсь. Возможно, потому, что это «дальше» в самом деле так далеко.

К утру следующего дня я понимаю, что Савва все же был прав. Еще один день в больнице действительно пошел мне на пользу. Конечно, я еще чувствую слабость и головную боль, но они не идут ни в какое сравнение с тем, что я испытывала вначале. К тому же меня наблюдали хорошие врачи. А это, как ни крути, исключает вероятность развития осложнений, которые вполне могли бы возникнуть, если бы я занималась самолечением. Так что когда за мной приезжает Савва, я искренне его благодарю.

– Пустяки, – отмахивается тот.

– Нет. Вы же вполне могли пройти мимо. Но не прошли. Я это ценю.

– Ты валялась без сознания в моем ресторане. Вряд ли бы я смог пройти мимо, даже если бы захотел.

Вскидываю ресницы и гляжу на его бесстрастную физиономию в раздумьях, уж не решил ли он пошутить? Впрочем,

времени на раздумья нет. Как всегда занятой, Савва начинает меня поторапливать. Я плетусь за ним по красивым коридорам клиники. У вертушки он подхватывает меня под руку:

– Там страшный гололед. Держись.

– Спасибо.

Ноги и впрямь разъезжаются. Теперь уж я сама обхватываю его предплечье для надежности сразу двумя руками. Он большой, да. Но вовсе не из-за лишнего веса. Под моими пальцами каменно-твердые забитые в зале мышцы. Ну, кто бы мог подумать? Почему-то это совсем не вяжется с тем портретом, что я нарисовала в своей голове в нашу самую первую встречу. Так-то он мне виделся ничем не примечательным мужчиной средних лет. Из тех, что бреют голову, потому что рано облысели. Но теперь я понимаю, что, возможно, это его фирменный стиль, а вовсе не вынужденная мера.

– Я что, грязный?

– Нет.

– Ты так на меня смотришь...

– Решаю, почему вы лысый, – выпаливаю на одном дыхании. В обычно бесстрастных глазах мелькает... смех. И это неожиданно тоже.

– Давай так. Я отвечу на этот вопрос, если ты ответишь на мой.

Учитывая то, что я успела сто раз пожалеть о том, что вообще это брякнула, неуверенно пожимаю плечами. Савва

указывает на огромный Cadillac Escalade, который занимает едва ли не два парковочных места сразу. В отличие от Влада, он водит сам. Я усаживаюсь на пассажирское сиденье. Комиссаров велит пристегнуться. С непривычки мне придется повозиться даже с этим не требующим особых навыков действием.

– Так вот, вопрос... – возвращает нас к беседе Савва, когда я уже, признаться, поверила в то, что он забыл о нашей беседе. – Он тоже касается прически...

– Неудачный эксперимент, – бормочу я.

– Я так и подумал.

И все-таки он смеется. Ну, точно. Хотя внешне это никак не проявляется.

– Теперь ваша очередь.

– Я лысый потому, что бреюсь раз в два дня.

Да он просто капитан очевидность. Я фыркаю. Он же, ничуть не изменившись в лице, уверенно ведет машину. Остаток пути проходит в молчании. Я молчу потому, что боюсь сморозить очередную глупость. Почему молчит он – не знаю. Да и не до этого мне совсем. Чем ближе к дому, тем сильнее мой страх. Если честно, в больнице меня посещали мысли о том, чтобы съехать. Но по деньгам я не потяну съем квартиры, а значит, не о чем и мечтать.

В тесном дворике мы едва находим достаточно места, чтобы припарковать Escalade Саввы. С помощью его руки я выбираюсь наружу. На этот раз во дворе в кои веки пусто. Но

в подъезде опять дым коромыслом. В мусоропроводе грохочут бутылки. Я вздрагиваю. Обхватываю себя за предплечья ладонями и замираю у новенькой двери.

– Спасибо. Я забыла сказать вам спасибо...

– Так Владу же... – в голосе Саввы слышатся странные нотки, которые я, погруженная в страх, пропускаю мимо ушей. Мне так не хочется возвращаться в эту квартиру, что могу думать лишь об этом. Растерянно бормочу:

– Ну да. Ключи у вас?

Комиссаров отодвигает меня в сторону и сам открывает дверь. Прежде чем войти внутрь, я зажмуриваюсь. Но даже на обратной стороне век прокручиваются картинки того, что здесь со мной произошло совсем недавно. Я чувствую, как внутри меня зарождается паника. Как она, становясь все сильнее и сильнее, накрывает меня с головой и утаскивает в пучину... Из которой меня выдергивает тихий голос:

– Та-а-ак. Понятно. Ну-ка, пойдем!

Глава 6

Я задыхаюсь. А он... он за каким-то чертом принимается шарить в бардачке.

– Дыши!

Не знаю, как это работает, но низкий тихий голос Саввы пробивается даже через шум крови в ушах. Он мне что-то настойчиво протягивает. Я опускаю взгляд.

– Дыши в пакет. Ну же!

Кажется, так делают в американских фильмах, но я никогда не думала, что этот способ в самом деле работает. Он спятил? А впрочем, разве у меня есть какие-то другие варианты? Выхватываю пакет из его рук и делаю вдох. Пакет бумажный. Унылого коричневого цвета, он почему-то пахнет помидорной ботвой.

Первые секунды мне совершенно все равно, как это выглядит со стороны. Я хриплю, захлебываюсь, кашляю! Но постепенно, по мере того, как моя паническая атака начинает отступать, ко мне возвращается смущение. В конце я медленно опускаю пакет и абсолютно без сил утыкаюсь лбом в обтянутую мягкой кожей торпеду. А потом мне на спину, прямо между двумя сведенными вместе от напряжения лопатками, ложится чья-то рука.

– Лучше?

– Да. Извините. – Мой голос страшно осип. – Дайте мне еще пару минут.

– И что?

Какой странный вопрос. Я заставляю себя сесть нормально и посмотреть на Савву.

– И я уйду.

– Туда? – он вскидывает подбородок, указывая на дом. Я вздрагиваю всем телом, не в силах этого скрыть.

– Нет. Это вряд ли. Я что-нибудь придумаю.

– Например?

– Пока не знаю, – отвожу взгляд. – Может быть, сниму комнату.

Савва чуть меняет положение тела, откидывается на спинку и, будто в раздумьях, трет ладонью лысину.

– Можешь объяснить, почему ты так остро отреагировала?

– Мне бы этого не хотелось, – стараюсь не смотреть на него, веду по запотевшему стеклу пальцами.

– Как я тебе помогу, если не в курсе, какого черта с тобой происходит?

Мои пальцы замирают в одной точке. Конечно, я вполне могу отказаться от помощи и послать своего наставника куда подальше. Может, так даже будет правильно – потому что его это совершенно не касается, так? Кто он такой, чтобы перед ним исповедоваться, и вообще... Но, во-первых, прямо сейчас я не уверена, что смогу обойтись без помощи, во-в-

торых, он мне уже помог. И я никак не могу отделаться от мысли, что вроде как уже ему чем-то обязана. По крайней мере, быть чуточку сговорчивее.

– Моих родителей убили вот так, ворвавшись в их дом. Думаю, в этом все дело.

Савва комментирует мои слова потоком отборной ругани. Он не такой холодный, как я думала. Скорее неразговорчивый и закрытый.

– А где была ты?

– У подружки.

Комиссарову хватает ума воздержаться от комментариев. От банальных, давно набивших оскомину слов. Но он осторожно берет меня за руку и легонько сжимает. Это действует на меня гораздо больше, чем любые слова. Кажется, еще немного, и я разревусь.

– Ну, я пойду...

– Стой! У меня есть идея получше. Верни ключи.

– Зачем?

– Заберу твои вещи.

Я вытягиваю перед собой руку с зажатой связкой, как будто только и ждала этого приглашения. Впрочем, осознание того, как легко я сдалась, буквально тут же заставляет ее отдернуть.

– И что потом?

– Я знаю, где ты сможешь пожить первое время, а потом мы что-нибудь придумаем.

Он знает? Зависаю. Мысли пчелами жужжат в голове. Что значит – смогу пожить? А что за это? И что потом? Поверить в то, что кто-то станет помогать просто так – нелепо. В этой жизни ничего просто так не делается, но... Он ведь мой наставник. Может, это входит в его обязанности?

– Я не смогу много платить.

Если он скажет что-то вроде – ничего, отдашь натурой, я взвою.

– Ну и ладно, – усмехается Савва. Я смотрю на него, вздернув бровь. – Поймешь, когда все увидишь.

Это он, типа, объяснил? Час от часу не легче. А впрочем, у меня нет сил. Нет сил спорить, думать, просчитывать варианты. Савва без всякого труда вынимает из моих пальцев ключи и уходит. Я откидываюсь в кресле. Закрываю глаза. В голове возникает картинка того, как Комиссаров собирает мои вещи в сумку. Наверное, это слишком интимный процесс, но смущение требует тоже каких-никаких усилий, а я на них попросту не способна. Засыпаю под тихую музыку, играющую в салоне. И вырубает меня неслабо. Просыпаюсь, когда за окном начинает сереть. Растираю лицо ладонями и заполошно оглядываюсь.

– Мы где?

– Где-то на восьмидесятом километре трассы.

Он, как всегда, немногословен. Обычно мне это импонирует, но не сейчас, когда я ни черта не понимаю.

– Мы что, за городом? – изумляюсь я, прилипая носом к

стеклу.

– Все верно.

– Постойте. Восьмидесятый километр? То есть вы предлагаете мне жить за городом?! Как же мне добираться до работы? У меня и так два часа уходит на дорогу и...

– Не тараторь.

Осекаюсь, потому что мой голос в самом деле звучит несколько истерично. С другой стороны, а чего еще он ждал, увозя меня к черту на рога?

– Там работы сколько хочешь.

– Да где – там? – как всегда, когда нервничаю, я сую пальцы в рот. А ведь мои ногти уже начали отрастать.

– В гостинице. Мы скоро открываем гостиницу в С*, ты не знала? А при ней – новый ресторан.

Я глупо хлопаю ресницами. Он что, хочет сказать, что я уволена из Сэвен? Мне же там так нравилось!

– Я хотела бы работать в Сэвен. Или к моей работе есть нарекания?

– Нет никаких нареканий. Просто посмотри, что я тебе предлагаю в качестве альтернативы.

«Не хочу! Не хочу ни на что смотреть!» – мелькает истеричная мысль, но тут же я вспоминаю, почему вообще оказалась здесь, в этой точке, и как будто трезвею.

– А эту гостиницу тоже ваш брат строил?

Савва косится на меня из-под тяжело опущенных век.

– И он тоже. С партнерами.

Хочется спросить, как часто Влад там бывает. Все-таки это неблизко. Хотя и не особенно далеко. Городок – исторический, наверняка там куча туристов. Вот, собственно, почему это место и выбрано для расширения ресторанной империи Галича. По крайней мере, я так думаю.

– Сейчас, перед открытием, там целая куча дел. Хорошо, что у Влада в этих краях дача. – Вот это да! Наверное, это мне на руку. Я ерзаю на сиденье. – Наташа, его жена, решила, что девочкам будет полезно жить поближе к природе.

– Каким девочкам?

– Дочерям Влада. Они близняшки. Миленькие девчушки.

Вот же черт! Почему-то я совсем не задумывалась о том, что у него могут быть дети. Это расстраивает. Другое дело – жена. Жену можно переиграть, аннулировать, вычеркнуть. Если интернат чему-то и учит, так это борьбе за свое без оглядки на методы. Возможно, я бы смогла побороться с другой, чужой мне женщиной, пусть даже за то, что она считает своим. Но забрать отца у детей – это совсем другое. Или нет? В конце концов, от детей-то он не откажется.

Боже, какая глупость мне лезет в голову. Как будто у меня есть хоть шанс! Шурочка говорила – дурак думкой богатеет. Оказывается, это про меня. Это ж я, как идиотка, втрескалась в картинку. Что-то себе напридумывала... Не удосужившись даже погуглить. А ведь могла. Так почему не сделала этого? Не потому ли, что просто боялась посмотреть в глаза правде?

– А вы? Где останавливаетесь вы, когда приезжаете?

– А я здесь живу. Ты не знала?

– Нет.

– Ну, да. И работать по большей части здесь буду. Когда запустимся.

Удивительно. Но неразговорчивый Савва беседует со мной, как с равной. Если то недолгое время, что я провела в обществе Влада, меня преследовало чувство неполноценности, то сейчас этого нет и близко. Может быть, так складывается потому, что Влад – богач, а Савва – вроде как тоже наемный работник, пусть и занимающий гораздо более высокую по статусности должность, чем я. С ним мне как будто легче. Несмотря ни на что.

– А как же остальные рестораны? Как Сэвен?

– Там уже все идет по накатанной. Мне давно не нужно стоять над душой су-шефа и других поваров.

– Ясно.

– Мы, кстати, подъезжаем. Ты в этих краях не бывала?

– Нет.

– Город камерный. И тихий, несмотря на толпы туристов. Здесь, кстати, много галерей и музеев. Ты как к искусству относишься?

– Нормально, – бормочу я и отворачиваюсь под предлогом того, что меня страшно заинтересовали появившиеся на горизонте очертания куполов. А на деле... На деле я просто не знаю, что ему ответить. Скажу – никак, он решит, что я

темная деревяшка. Скажу – отлично, он, возможно, задаст какой-то наводящий вопрос, и я непременно попаду впросак, потому что объективно во всем, что касается тонких материй – я ни в зуб ногой.

– Приехали.

Я выхожу, оглядываясь по сторонам. И залипаю на доме, выполненном в современно стиле и по форме напоминающем два соединенных куба – повыше и пониже, с окнами от пола до потолка на одной из граней.

– Ух ты, – восхищенно выдыхаю я, хотя тут не мешало бы насторожиться.

– Это мой дом.

Ну да. Я примерно так и подумала. Но зачем он сюда привез меня? Я напряженно застываю, будто примерзнув к дорожке, выложенной на старинный манер деревом.

– А где же буду жить я?

– Над гаражом есть небольшая квартирка. Но она не отапливалась, так что сегодня, похоже, тебе придется потерпеть мое общество.

Все слишком хорошо складывается, чтобы быть правдой. Сколько я себя ни упрашиваю расслабиться – ни черта не выходит. Я захожу в дом, напряженная донельзя. И чуть не наступаю на выбежавшую меня встречать кошку.

– Ой!

– Майка... Проголодалась, блохастая, да? – Савва подхватывает беспородную трехцветную кошку под кругленькое

брюшко и выпрямляется, удерживая ту на руке. – А ты? – интересуется у меня, а сам чешет кошку за ухом.

– Ч-что я?

– Голодная?

– Нет. Я просто хочу прилечь. Можно?

Савва пожимает широченными плечами и тычет пальцем куда-то мне за спину.

– Гостевая там. К ней примыкает ванная. Располагайся. А вещи я сейчас принесу.

В комнате, как, похоже, и во всем доме – нет ничего лишнего, но все на своих местах. Кровать, тумбочки, встроенный шкаф, телевизор. Все очень минималистично, стильно, но, как ни странно, уютно.

Телефон звонит, когда Савва приносит вещи. Это отличный повод не вступать с ним в диалог. Я с намеком потрясаю телефоном, мол, мне звонят. Он понимающе кивает и выходит, к счастью. Наверное, есть какая-то патология в том, как меня швыряет от мысли «я не представляю интереса для мужчин» к мысли «ужас-ужас, меня сейчас изнасилуют». Я невесело улыбаюсь, укладываюсь на кровать и подношу трубку к уху.

– Ну, наконец-то! Мы тебе два дня звоним! Разве так можно, Тайка?! Мы же думали, тебя убили. Кто так делает?!

– Не убили. Со мной все хорошо. Были некоторые неприятности, но все в прошлом.

– Какие еще неприятности? Ну?!

Понимая, что девчонки от меня не отстанут, я рассказываю им о своих приключениях, избегая ненужных деталей.

– Так ты сейчас у Комиссарова? Серьезно? – изумляется Ника. – Ну, вот, а мы уж и впрямь поверили, что от наставника толку нет. И как?

– Что как?

– Какой у него дом?

– Красивый. Внутри я не рассмотрела, потому что сразу пошла в свою комнату, а снаружи – очень даже.

– А чего ты сразу в свою комнату пошла?

– А что мне надо было делать?

– Как что? Пользоваться случаем! Вино-домино. А там уже старый хрен у тебя с рук кушает.

– Он не старый! В смысле, нормальный он. И вообще, что ты за бред несешь?

– Она не из таких, – вступает в диалог Ольга, – вы как будто не знали. Тайка у нас недотрога. Даст только по любви. Да, Тай?

– Отвали, – я злюсь.

– Ну, а что – я не права? Все еще хранишь свой цветочек?

– Да пошла ты. Пока девочки, я отключаюсь...

– Ты смотри там, осторожней, а то такой, как Савва – сорвет и не спросит.

Мне бы просто сбросить вызов, знаю ведь, что Ольга – тот еще провокатор, но любопытство берет свое:

– Что ты имеешь в виду?

– А ты спроси, почему он не может брать под свое крылышко подопечных напрямую. Зачем ему Галич.

– И... Зачем?

– Затем, что он сидел. Так что ты это... поосторожнее-то. С уголовниками.

Глава 7

Я все-таки сбрасываю вызов, поворачиваюсь на бок и, сунув под щеку сложенные вместе руки, зажимаюсь. Внутри тревожной сиреной гудит – уголовник, уголовник, уголовник... Страшно ли мне? Наверное. Но я бодрюсь. В конце концов, не в первый раз у меня за стеной находится бывший зэк. Да господи, боже мой, в доме, из которого меня вырвал Савва, их полно! К бабке не ходи. И уж, конечно, они представляют для меня гораздо большую опасность, чем мой наставник. По крайней мере, мне хочется думать именно так. В качестве недостающих аргументов перебираю в уме причины, по которым у нас можно загреметь на нары. Смех в том, что таких причин миллион. В нашей стране можно присесть за что угодно. Иной раз даже не угадаешь, откуда ждать беды. В этом плане незащищенные слои населения вроде таких детдомовцев, как я – под большой угрозой. Ведь на нас, тех, кто не сможет бодаться с системой, и тех, за кого некому постоять, так легко повесить все, что угодно. Именно поэтому с малых лет нас учат вести максимально правильный образ жизни. Другой вопрос, что мало кто потом следует тем советам.

Интересно, за что сидел Савва?

В глубине дома что-то щелкает. А потом я слышу чьи-то

шаги. Хотя почему – чьи-то? Кроме меня с Комиссаровым в доме никого нет. В животе собирается холодный мерзкий ком. Звук приближается. Ком разрастается до невероятных размеров и распирает ребра. Вот Савва подходит к моей двери. Я даже вижу тени от его ног, ломающие геометрию тонкой полоски света, что проникает в щель под дверью. Я в таком ужасе, что до меня не сразу доходит – он пошел дальше. Логично, что коридор, ведущий в мою комнату, идет и к другим. Но почему-то в голову сходу лезут самые худшие мысли. Это все Ольга виновата! Все-таки меня накрутила.

Вскакиваю. На цыпочках подбегаю к двери, медленно опускаю ручку и приоткрываю ту на пару миллиметров. Этого достаточно, чтобы рассмотреть Комиссарова в комнате напротив моей. Он стоит у большого письменного стола, склонившись над работающим ноутбуком. Одной рукой Савва щелкает мышкой. Другой – опирается на столешницу. Рядом стоит бутылка с водой. Из тех, что обычно берут в спортзал. О том, что он собирался заняться спортом, говорит и его одежда: широкая майка с глубокими вырезами на плечах и шорты. Говоря начистоту, в кителе шефа и своей повседневной одежде он выглядел гораздо более цивилизованно. А сейчас – бритый, с бычьей шеей и шкафоподобной фигурой, он действительно похож на уголовника. Может быть, привычка заниматься спортом у него еще с зоны. Где-то я читала, что многие зэки – только то и делают, что качаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.